

Ф.Н. Блюхер

К защите «иррационального неверия в науке»

Блюхер Федор Николаевич – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: obluher@gmail.com

Статья посвящена отношению науки к религии, в частности аргументам о схожести процессов получения знания в данных областях человеческой жизни в статье А.В. Иванова «Соотношение науки и религии: новые грани старой проблемы». Автор отмечает слабую аргументацию понятия «имманентное доказательство» и неправомерное использование словосочетания «внешний опыт». Кроме того, показана зависимость процесса получения знания от области, в которой это знание будет использовано. Автор демонстрирует принципиальное отличие влияния на жизнь человека науки и религии как систем культуры. Рассмотрено развитие науки из других форм истинного знания. Констатируются глубокие корни религиозного сознания для решения двух экзистенциальных проблем, присутствующих в жизни любого человека: очевидной социальной несправедливости устройства общества и смерти любимых людей. Критикуется концепция обязательной связи научного познания мира с религиозным видением бытия. На примере концепции «двух истин» показана независимость научного освоения мира от религиозного сознания и зависимость религиозного от научных открытий.

Ключевые слова: наука, религия, опыт, знания, вера

Этот разговор об отношении науке к религии имеет долгую историю, и, кажется, все аргументы в нем произнесены не один раз, но, если он возникает снова и снова, значит, существует причина, по которой он все еще актуален. Попробуем ее найти.

Андрей Владимирович Иванов, сравнивая науку и религию, рассматривает их как два «типа познавательного опыта», которые можно сопоставить по предмету, методу, языку изложения результатов, способу трансляции результатов, в общем,

по всему тому, что мы относим к сфере получения знаний. Зафиксировав тезис о «неслиянности» науки и религии», автор предлагает рассмотреть вопрос об их «связности» как особом типе «внерационального познавательного опыта, который можно совместить с научно-рациональным освоением мира» [Иванов, 2022, с. 115]. Далее Андрей Владимирович приводит пять аргументов для обоснования своего тезиса. Первый – традиционный: о различии иррациональной религиозной веры и рационального научного знания. Автор традиционно фиксирует у «ученых» наличие веры и отдельные, как он утверждает, внерациональные решения научных институций. Здесь мы можем целиком согласиться с автором: дело в том, что ученые – люди, а научные институции вынуждены в своих решениях руководствоваться различными, а не только сугубо научными аргументами. В конце этого раздела вводится главная логическая дистинкция всей статьи. Научные знания принимаются «на основе неопровержимых эмпирических фактов, убедительных теоретических или логических доказательств» [Там же], а религиозные неотделимы от того, «что можно назвать **имманентным** доказательством, когда в своем личном внутреннем опыте человек находит подтверждение извне приходящим знаниям» [Там же, с. 116]. При этом черты **имманентного** доказательства автор находит и у ученых. Так, «если ученый чего-то упорно не желает признавать, то на него не действуют никакие самые строгие логические аргументы и очевидные эмпирические факты. Он их просто проигнорирует или будет стараться **опровергнуть из чистого упрямства** (выделено мной. – Ф.Б.)» [Там же]. В качестве примера приводятся слова М. Планка о зависимости принятия новых теорий от смены поколений в науке. Здесь нам также придется согласиться с автором, ученые не только люди, у них есть возраст, характер и определенная профессиональная подготовка, то, что присуще людям в какой-то степени имманентно. Остается только прояснить статус использования в данном контексте слова «доказательство».

Наконец мы доходим до ключевого аргумента всей статьи, о наличии у религиозного знания внутреннего опыта, а у научного – **внешнего опыта**. И здесь нужно быть внимательным. Андрей Владимирович прав, когда утверждает, что ученые «открывают объективные законы самой природы, познают то, что есть на самом деле» [Там же]. Но при этом опыт, направленный на изучение природы, не становится внешним, опыт всегда связан с сознанием субъекта, поэтому понятие «внешний опыт» – метафора. Разделение внешнего и внутреннего опыта – философский конструкт, возникший в Новое время для более точной формулировки проблем гносеологии. Использование этого различия для обоснования связанности науки и религии вызывает сомнения. Об этом хорошо сказано у В.А. Лекторского: «Если обычный (“внешний”) опыт предполагает воздействие внешнего предмета на органы чувств субъекта, то непонятно, какие органы чувств может использовать субъект, испытывающий свой “внутренний опыт”. И кто в этом случае выступает как субъект?» [Лекторский 2001, с. 159]. В этом тексте знаки препинания говорят сами за себя. Но цитируемый отрывок довольно точно показывает и проблемы при использовании понятия «внутренний опыт».

Мы не будем касаться описания автором специфики собственно религиозного внутреннего опыта, хотя некоторые слова кажутся нам в целом полемическими: «...следует признать: подлинная духовная практика всех мировых

религий... нацеливает человека на систематическую внутреннюю работу, буквально экспериментирование с собственным сознанием, что подразумевает контроль за эмоциональными состояниями и потоком мыслей; избавление от негативных (лени, рассеянности, страха, раздражения, зависти) и обретение положительных личностных качеств (внимательности, мужества, терпения, доброжелательности, сострадания)...» [Иванов, 2022, с. 117].

Третий, четвертый и пятый аргумент мы не будем рассматривать в силу их историко-гуманитарного и «эмпирического» характера, которые допускают различные степени интерпретации.

В чем, на наш взгляд, недостаток концепции Андрея Владимировича? Рассматривая различие процедур (рациональную аргументацию и опыт) получения знания в науке и религии, он упускает из вида очень важный аспект. Процесс получения знания в той или иной области во многом зависит от того, как вы собираетесь потом это знание использовать. У процесса познания есть цель, и от этой цели во многом зависит та форма знания, которую вы получаете.

Важно понимать принципиальное отличие влияния на жизнь человека такого социального института, как наука, и религии как системы культуры. Религия сопровождает человека с момента его превращения в *homo sapiens*. В Чатал-Хююк, на сегодняшний день самом древнем из найденных археологами крупном поселении людей, найдены культовые сооружения. Институт, который мы сегодня называем наукой, возник в Европе в начале Нового времени. Это не означает, что у человечества не было истинных знаний. Без знаний в области мелиорации, медицины, санитарии, селекции, инженерного дела человек не смог бы создать ни одной из древних цивилизаций. Важно, что все эти знания не противоречили религиозному представлению о порядке бытия в мире. Европейская, арабская и китайская математика непрерывно развивались в течение двух с половиной тысячелетий, и открытые ими порядки числительных отношений свидетельствовали, что если процессы в природе подчиняются исчислению, то мир устроен рационально. И если уж выбирать между «материей и формой», то математику и философу предпочтительней выбрать «форму».

Европейская наука, особенно ее теоретическая часть, долгое время развивалась с оглядкой на христианское представление об общем порядке бытия. Об этом свидетельствует и заочная полемика Ньютона против Декарта [Койре 1985], и метафизические построения Лейбница. Но в результате деятельности философов и ученых эпохи Просвещения нужда в этом как-то естественным образом отпала. Каждая из крупных областей естествознания создала свою специализированную картину мира [Степин, 2000]. Возникли научные институты, работающие в них сотрудники обрели такую же профессию, как медики, преподаватели, военные. В своей профессии они решают те задачи, которые перед ними ставит общество в рамках этих картин мира. «Неслиянность» никто не придумал, просто в гипотезе о рациональном создателе перестали нуждаться. А как же религия?

А религия осталась религией, то есть символической системой, которая способствует возникновению у людей настроений и мотиваций, формируя представление об общем порядке бытия и придавая этим представлениям ареал действительности таким образом, что эти представления и мотивации

кажутся единственно реальными [Гирц, 2004] или, по другому, – самой сутью бытия, основой всей духовной жизни, реальной и постоянной связью, единением с Богом [Митрохин, 2001]. В обоих определениях присутствует то, что привязывает религию к науке: «общий порядок бытия» или «суть бытия». Верующему человеку небезразлично рационально обоснованное знание об устройстве мира. И Андрей Владимирович прав, когда утверждает, что «в религиозной традиции всегда присутствует значительный пласт рациональных знаний» [Иванов, 2022, с. 115], потому что для верующего важно, чтобы знания о мире, которые добывает наука, не противоречили религиозным представлениям об общем порядке бытия. Важно, но не главное.

Главное – две экзистенциальные проблемы, присутствующие в жизни любого человека: очевидная социальная несправедливость устройства общества и смерть любимых людей, их и должна «здесь и сейчас» решать религия.

Первая является следствием противоречия этического принципа отношения к любому человеку как равному в обладании всех человеческих качеств субъекту и реальных социальных отношений в экономике, политике, культуре, науке, построенных на принципе неравенства. Отсюда вырастает мысль о неизбежной победе милосердного бога над несовершенным бытием. При этом «милосердие» нужно как-то аргументировать, и если это не удастся сделать напрямую, то хотя бы в виде неотвратимого возмездия за допущенную по отношению к конкретному человеку несправедливость. И форма аргументации должна быть соразмерна утешаемому: проста и доступна. «Будут истощены голодом, истреблены горячкой и лютою заразою; и пошлю на них зубы зверей и яд ползущих по земле; извне будет губить их меч, а в домах ужас...» [Библия, 1968, с. 202, Втор. 32:24–25].

Вторая связана с традицией переживания горя. Все мы понимаем, что смерть наших близких – совершенно непереносимая утрата. В этот момент жизнь буквально теряет смысл. Эта боль никогда человека не оставит, ее можно только изжить. И если для этого требуется идея, что после смерти мы вновь встретимся с близкими нам людьми, то я готов разделить эту веру. Но окажет ли это влияние на мое представление об устройстве мира? Нет, оно будет целиком подчинено решению конкретных научных проблем. В конечном счете если бог всемогущий, то он каким-то образом всегда сможет решить эту проблему будущего.

Здесь мы непосредственно подошли к центральной проблеме статьи. Изысканная метафора Андрея Владимировича, что наука и религия «**две стороны одной медали, две противоположные, но единые грани постижения бытия**» [Иванов, 2022, с. 114], не совсем точна; профессиональная принадлежность и культурная особенность хотя и уживаются в одном человеке, относятся к разным аспектам его жизни. Человек не рождается ученым, а долго и трудно приобретает эту специальность, когда он болеет или в силу возраста теряет способность продуктивно работать, он не перестает быть человеком, его взаимодействие с социумом подчинено не законам сохранения энергии, а законам любви и защиты своих близких. Во всех этих сферах есть место не только для разума, но и для веры, а следовательно, и для религии. Ученый может быть верующим, и это нисколько не умаляет его достоинство ученого. Но метафора

медали подразумевает, что ученый *должен* быть верующим, потому что у медали *всегда* есть другая сторона. И здесь настало время ответить на вопрос, который стоял в начале статьи. В чем причина возвращения к давно исследуемой проблеме?

В самом начале своей статьи Андрей Владимирович констатирует различие относительности научной истинности и «вечной Истины» религиозных текстов. Но если для обоснования решения социальных и моральных проблем религии нужно сослаться на божественный порядок бытия, то научные открытия со своей относительной истинностью должны как-то вписываться в эту идеальную картину. Здесь-то и возникает когнитивный диссонанс. С рождения нам говорят, что «истина одна», но может быть много мнений. Человеку трудно жить, когда у него уже есть «вечная Истина», полученная в результате откровения, и он еще вынужден мириться с какой-то «относительной истинностью». «Связанность» нужна не науке, она необходима религии, чтобы утвердить неразрывность «двух сторон медали», т.е. жестко привязать относительность научных открытий к достоверным фактам «вечных Истин», будь то нисхождение благодатного огня или сохранность «существования» тела Хамбо ламы Итигэлова. А так как оба явления приобретают характеристику святости для сознания верующего, то всякое внешнее научное исследование явления для «относительного» объяснения представляется кощунственным. У современного индивидуалистического общества нет запроса на научное объяснение, ему комфортней жить с надеждой на чудо, на действенность молитвы. Социальное бессилие и страх за близких и любимых сковывает разум, а выход за процедуры профессиональных компетенций представляется во многом бессмысленным. Поэтому нам ничего не остается, как частично согласиться с выводом статьи: **«это способствует росту иррациональных верований в религии и иррационального неверия в науке»** [Иванов, 2022, с. 120]. Хотя заключительная часть фразы оставляет нас в недоумении по поводу предмета, о котором идет речь. Сказали бы уж честно, «из чистого упрямства».

Список литературы

- Библия, 1968 – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Московская патриархия, 1968. 1372 с.
- Гирц, 2004 – Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
- Иванов, 2022 – Иванов А.В. Соотношение науки и религии: новые грани старой проблемы // Философия науки и техники. 2022. Т. 27. № 1. С. 114–123.
- Койре, 1985 – Койре А. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс, 1985. 286 с.
- Лекторский, 2001 – Лекторский В.А. Опыт // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 158–159.
- Митрохин, 2001 – Митрохин Л.Н. Религия // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 436–442.
- Степин, 2000 – Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

To the defense of “irrational disbelief in science”

Fedor N. Blucher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: obluher@gmail.com

The article is devoted to the relationship of science to religion, in particular, to the arguments about the similarity of the processes of obtaining knowledge in these areas of human life in the article by A.V. Ivanov “The relationship between science and religion: new facets of the old problem”. The author notes the weak argumentation of the concept of “immanent evidence” and the misuse of the phrase “external experience”. In addition, the dependence of the process of obtaining knowledge on the area in which this knowledge will be used is shown. The author clearly demonstrates the fundamental difference between the influence of science and religion as a system of culture on human life. The development of science from other forms of true knowledge is considered. The deep roots of religious consciousness are stated to solve two existential problems that are present in the life of any person: the obvious social injustice of the structure of society and the death of loved ones. The concept of the obligatory connection of scientific knowledge of the world with the religious vision of being is criticized. The example of the concept of “two truths” shows the independence of the scientific exploration of the world from religious consciousness and the dependence of the religious on scientific discoveries.

Keywords: science, religion, experience, knowledge, faith

References

Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta [The Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and the New Testament]. Moscow: Moskovskaya patriarkhiya Publ., 1968, 1372 pp. (In Russian)

Geertz C.J. *Interpretatsiya kul'tur* [The Interpretation of Cultures], Moscow: ROSSPEN, 2004, 560 pp. (In Russian)

Ivanov A.V. ‘Sootnoschenie nauki i religii: novie grani staroy problem’ [Relationship between science and religion: new facets of an old problem], *Filosofiya nauki i tekhniki*, 2022, vol. 27, no. 1, pp. 114–123. (In Russian)

Koyre A. *Ocherki istorii filosofskoi mysli* [Studies in the history of philosophical thought], Moscow: Progress Publ., 1985, 286 pp. (In Russian)

Lektorskii V.A. ‘Opyt’ [Experience], in: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 3, Moscow: Mysl’ Publ., 2001, pp. 158–159. (In Russian)

Mitrokhin L.N. ‘Religiya’ [Religion], in: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 3, Moscow: Mysl’ Publ., 2001, pp. 436–442. (In Russian)

Stepin V.S. *Teoreticheskoye znaniye*. [Theoretical knowledge], Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2000, 744 pp. (In Russian)